

0623

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Кейт Хьюит

ПОДЧИНИТЬСЯ ЕГО ПРИКАЗУ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кейт Хьюит

Подчиниться его приказу

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Хьюит К.

Подчиниться его приказу / К. Хьюит — «Центрполиграф»,
2014 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06784-5

Оливия работает экономкой в парижском особняке арабского шейха Азиза, красавца и плейбоя, ведет тихую жизнь и не собирается ничего менять. Но когда шейху оказывается нужна женщина, которая смогла бы на время притвориться его невестой, он выбирает Оливию. Не в силах сопротивляться вспыхнувшей страсти, она открывает ему мучительные тайны своего прошлого. Обретут ли они совместное счастье?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06784-5

© Хьюит К., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кейт Хьюит

Подчиниться его приказу

Commanded by the Sheikh

© 2014 by Kate Hewitt

«Подчиниться его приказу»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

– Ты нужна мне, Оливия.

Ну конечно. Она, Оливия Эллис, всегда нужна шейху Азизу... для того, чтобы перестилать постели, полировать серебро и поддерживать его парижский дом в порядке и готовности к визиту хозяина. Но это совершенно не объясняло, зачем ее привезли сюда, в роскошный королевский дворец в Кадаре, полный фресок и золотых украшений.

– Что вам требуется, ваше высочество? – спросила она, сдерживая эмоции. Она совершенно не хотела покидать Париж, где вела тихую жизнь – завтракала вместе с консьержем в кафе через дорогу, занималась розами в саду после обеда и не думала даже отказываться от этого покоя ради новизны и неожиданностей. Весь перелет в Кадар она составляла список причин, по которым шейх должен немедленно отправить ее обратно.

– Учитывая обстоятельства, королевским указом повелеваю называть меня Азиз и на «ты». – В его улыбке было очарование, однако Оливия постаралась не поддаваться ему. Она слишком часто видела, как Азиз очаровывает своих многочисленных гостей в парижском особняке, собирала нижнее белье с ковров и наливала кофе женщинам, которые выбирались из постели к завтраку, растрепанные и с припухшими от поцелуев губами. Однако она сама считала, что у нее иммунитет к обаянию «джентльмена-плейбоя», как называли шейха в желтой прессе. Оливия не знала, как одно может совмещаться с другим, но не могла не признать за Азизом определенного обаяния, которое сейчас обрушивалось на нее в полную силу.

– Хорошо. Азиз. Что от меня требуется? – Она говорила коротко, как при обсуждении замены черепицы или списка гостей к ужину. Однако в новом, подавляющем своим убранством месте, наедине с этим мужчиной, деловитое спокойствие требовало куда больше усилий.

Оливия не могла не признать, что Азиз красив. Смоляные волосы, небрежно падающие на лоб; серые глаза, которые порой мерцали серебром; удивительно пухлые губы, складывающиеся в притягательную улыбку. А тело... подтянутое, сильное, совершенное, без грамма лишнего жира. Как красив «Давид» Микеланджело – великолепная скульптура, но не более. Оливия все равно не была способна чувствовать что-то еще ни к Азизу, ни к любому другому мужчине.

Азиз потер подбородок и отвернулся к окну, не глядя на Оливию. Она ждала, ощущая неожиданное напряжение в его молчании.

– Ты работаешь на меня уже шесть лет, – сказал он наконец. – И я всегда был исключительно доволен твоей службой. – Звучало так, словно он собирается ее уволить...

Оливия осторожно вдохнула и выдохнула.

– Рада это слышать, ваше высочество.

– Я же просил – Азиз. Или мне следует издать официальный указ? – Он повернулся, выгнув брови и явно подшучивая.

Оливия поджала губы.

– Если таково ваше требование, я, несомненно, подчинюсь, – холодно сказала она.

– Я знаю. Ты всегда выполняла все наилучшим образом. Именно это мне и нужно от тебя сегодня.

Она ждала продолжения, ощущая мурашки тревоги вдоль позвоночника. Что ему может понадобиться от нее в Кадаре? Оливия не любила неожиданности. Она шесть лет создавала для себя островок безопасности и комфорта и ужасно боялась его потерять. Потерять себя.

– Это задание совсем другого рода, чем присмотр за домом, – сказал Азиз. – Но оно не займет много времени, и я уверен, что ты превосходно справишься.

– Надеюсь, ваше... Азиз.

Он улыбнулся, одарив ее одобрительным взглядом. Оливия ответила короткой профессиональной улыбкой. Азиз подошел к письменному столу из орехового дерева, отделанному кожей ручной работы, нажал кнопку сбоку, и спустя секунду раздался стук в дверь. Вошел тот же человек, который провожал ее в эту комнату.

– Что думаешь, Малик? – спросил Азиз, опираясь бедром о край стола. – Она подойдет? Малик смерил Оливию взглядом:

– Волосы...

– Легко перекрасить. – Азиз щелкнул пальцами.

– Глаза?

– Не обязательно.

– Она примерно нужного роста. – Малик медленно кивнул.

– Я так и думал.

– Умеет держать язык за зубами?

– Превосходно.

– Тогда, думаю, можно.

– Не можно, Малик, а необходимо. Пресс-конференция через час.

– Через час... – Малик покачал головой. – Времени не хватит.

– Должно хватить. Ты же знаешь, я не могу рисковать очередными домыслами в прессе и беспорядками в городе. – На глазах Оливии Азиз замкнулся, губы сошлись в мрачную линию, лишая его всякого сходства со смешливым, беззаботным плейбоем, которого она знала. – Сейчас одной сплетни достаточно, чтобы все взорвалось как бочка с порохом.

– Воистину так, ваше высочество. Я займусь подготовкой.

– Спасибо.

Малик удалился, а Оливия повернулась к Азизу.

– Что это было? – резко спросила она.

Мужчины говорили о ней словно о... вещи. Она работает на Азиза, а не принадлежит ему и не собирается снова позволять другому человеку контролировать ее.

– Прошу прощения за то, как обсуждал тебя с Маликом. – Азиз поднял руки в смиренном жесте. – Но не было бы смысла продолжать разговор, если бы Малик не считал тебя подходящей.

– Для чего?

Азиз неожиданно тихо выдохнул.

– Полагаю, ты незнакома с условиями завещания моего отца.

– Естественно, нет, меня не посвящают в такие тайны.

Азиз красивым, беззаботным движением пожал плечами:

– Могли просочиться сплетни.

– Я не обращаю на них внимания. – Оливия даже не читала желтую прессу.

Азиз выгнул бровь.

– Ты знаешь, что я помолвлен с Еленой, королевой Талии? – спросил он. Оливия кивнула: о помолвке объявляли публично, а свадьба должна была вот-вот состояться в Кадаре. – Тогда, вероятно, тебя удивило то, как быстро мы собираемся пожениться, за считанные недели.

Он ждал реакции, пригвоздив ее пристальным взглядом. Но Оливия только пожалала плечами. Азиз мог считать себя джентльменом, но оставался плейбоем. Ей не раз приходилось выпроваживать его поклонниц, вручая им традиционный прощальный подарок – бриллиантовый браслет и букет лилий.

– Полагаю, теперь, когда ты стал шейхом, тебе надо жениться, – сказала она, и Азиз издал короткий смешок, резкий и совсем на него не похожий.

– Можно и так сказать. – Он снова повернулся к окну, сжав губы в тонкую нить. – Отец никогда не одобрял мои поступки, – продолжил он через минуту. – И меня самого. Полагаю, его завещание было нарочно составлено таким образом, чтобы я был вынужден оставаться в

Кадаре, скованный старыми традициями. Или он просто хотел меня наказать. – Азиз пожал плечом.

Он говорил беззаботно, словно о чем-то приятном или незначительном, но в глазах Оливия заметила холод, а может, боль. Однако она немедленно подавила пробудившееся любопытство. Отношения Азиза с отцом ее не касались, как и все остальные его тайны.

– Для того чтобы остаться шейхом, – продолжил Азиз, – я должен жениться в течение шести недель после смерти отца.

Оливия никогда не слышала в его голосе такого цинизма и горечи.

– Прошло уже больше месяца.

– Именно. А точнее, пять недель и четыре дня. Моя свадьба с королевой Еленой назначена на послезавтра.

– Тогда ты успеешь выполнить требование, – кивнула Оливия.

– Возникла одна проблема, – сообщил Азиз опасно шелковым тихим голосом. – Большая проблема. Елена пропала.

– Пропала?!

– Похищена Халилем два дня назад.

Оливия не смогла скрыть удивление.

– Я и не думала, что подобное еще случается в цивилизованной стране.

– Ты удивишься тому, что случается в любой стране, когда дело касается власти. Какие секреты хранят, как лгут... – Азиз резко отвернулся, словно пытаясь уйти от ее взгляда. Оливии снова показалось, что он что-то скрывает. Скрывает самого себя.

Она работала на шейха шесть лет, и он всегда казался именно тем, кем выглядел: очаровательным и беспечным плейбоем. Но сейчас, когда он отвернулся, ей померещилось, что он хранит какую-то страшную тайну.

Оливия много знала о тайнах и страхах.

– Ты знаешь, где этот... мятежник может прятать Елену? – спросила она после паузы.

– Скорее всего, где-то в пустыне.

– И ты ее ищешь?

– Конечно. На это брошены мои лучшие люди. – Азиз обернулся и встретил ее встревоженный взгляд своим непроницаемым. – Я пять лет не был в Кадаре, а до того старался проводить здесь как можно меньше времени. Люди меня не знают. – Он скривился. – А значит, не будут мне верны. Пока я не проявлю себя... если смогу.

Оливия попыталась что-то сказать, но Азиз прервал ее, продолжая жестким тоном:

– Найти Елену в пустыне очень трудно. Племена бедуинов верны ее похитителю, они укрывают обоих. Поэтому, пока идут поиски или пока мы не сможем с ним договориться, мне нужен запасной вариант.

– Вариант... для чего? – спросила Оливия, хотя ее уже осенила пугающая догадка о том, какой это план и какая роль отведена ей.

Азиз ответил ослепительной улыбкой. Его глаза сверкнули серебром. Тело Оливии невольно отозвалось горячей пульсацией. Она впервые увидела перед собой не хозяина дома и не произведение искусства, а мужчину. Красивого, желанного мужчину.

Моргнув, она прогнала охватившее ее неожиданное и совершенно неуместное чувство. Это просто биологическая реакция, которую она не может контролировать. Конечно, она думала, что все это в прошлом, но ее тело... Однако разум все равно восторжествует.

– Ваше высочество...

– Азиз.

– Азиз. О каком варианте ты говоришь? И при чем тут я?

– Ты же понимаешь, что никто не должен узнать об исчезновении Елены. – Азиз не сводил с нее серебряных глаз. – Поэтому мне нужна другая женщина.

- У Оливии перехватило горло. Несколько мгновений она не могла дышать.
- Другая, – повторила она наконец.
 - Да, Оливия. Другая женщина. На роль моей невесты. И это будешь ты.

Глава 2

Азиз с усмешкой наблюдал, как его спокойная, собранная экономка ахает, приоткрыв роскошные розовые губы, как округляются прелестные темно-синие глаза, а по лицу и шее разливается румянец. Он не раз отмечал, что она красивая женщина, но это была сдержанная, холодная красота. Она всегда закалывала свои карамельные волосы на затылке, никогда не делала макияжа – ей не нужна была косметика. Сейчас на ней была белая блузка, без единой морщинки, несмотря на девятичасовой перелет из Парижа, черные брюки по фигуре и туфли на удобном низком каблуке. Ей было двадцать девять, но одевалась она как дама среднего возраста, а не женщина в расцвете молодости. Хотя и элегантно. Ее одежда была хорошего качества и прекрасно сидела.

– Я не очень понимаю, что вы имеете в виду, ваше высочество, но в любом случае это невозможно.

– Для начала не забывай обращаться ко мне Азиз. И на «ты».

Вспышка темперамента в ее взгляде была такой короткой, что Азиз ее почти пропустил. Однако наличие этого самого темперамента его странным образом обрадовало. Он не раз задумывался, какие страсти могут скрываться за ее сдержанностью.

Он знал Оливию шесть лет, хотя и видел ее всего несколько раз в год, и за это время замечал лишь мелкие признаки каких-то сильных чувств. Яркий красно-пурпурный шелковый шарф, который Азиз не ожидал на ней увидеть. Заливистый смех от всей души, донесшийся как-то с кухни. Однажды, приехав в Париж на день раньше, он застал ее за пианино в гостиной. Музыка, полная скорби и красоты, завораживала. А выражение лица Оливии... Она вкладывала в музыку всю душу, и в этот момент Азиз подумал, что душа эта знала боль и муки.

Он тихонько ушел прежде, чем Оливия его заметила, догадываясь, в каком ужасе она будет, если узнает, что он слушал. Но после этого он порой гадал, что скрывается за фасадом сдержанности. Какие секреты она таит.

Однако именно ее сдержанность, спокойная деловитость заставила его выбрать Оливию Эллис для этой роли. Она была умна, компетентна и умела держать язык за зубами. Сейчас ее грудь поднималась и опускалась от частых вздохов, но вспышка чувств угасла. Прежняя, знакомая Оливия вернулась, спокойная и собранная. Хорошо. Ему это и было нужно.

Так почему он чувствовал толику разочарования?

– Мне нужно, чтобы ты сыграла роль моей невесты.

– Зачем тебе фальшивая Елена?

– Я должен развеять слухи о том, что она исчезла. Через час состоится пресс-конференция, и мы должны вместе появиться на балконе дворца.

Оливия поджала губы.

– А потом?

Азиз секунду поколебался.

– Это все.

– Все? – Оливия сощурилась. – Если тебе нужна женщина для одного появления на балконе, ты мог бы найти кого-то прямо здесь.

– Мне нужна женщина, которую я знаю и могу доверять, а в Кадаре я не был много лет. Здесь я мало кому доверяю.

Она сглотнула, а потом слабо помотала головой:

– Я даже не похожа на королеву. У нее темные волосы, и, несмотря на то что ты наговорил своему человеку, я заметно выше.

– Ты знаешь, какого она роста? – Азиз выгнул бровь.

– Я знаю свой рост, – прохладно ответила она. – И видела ее фотографии. Хотя, конечно, говорю наугад...

– Разница в росте никого не смутит.

– А волосы?

– Покрасим.

Оливия наградила его долгим, пристальным взглядом, и Азиз ощутил, как напряжение стягивается в груди тугим, твердым комком. Его просьба была, мягко говоря, необычной. Но он знал, что должен уговорить Оливию. Он не хотел ей угрожать, но она была необходима. В его жизни не было другой женщины, которой он мог бы доверить эту задачу. Наверное, это что-то говорило о его жизни, но сейчас его заботило только то, как закрепить за собой трон королевства, которым он был рожден править... даже если многие этому не верили. Даже если он сам никогда не был в этом уверен.

– А что, если я откажусь? – спросила Оливия.

Азиз ответил ей самой очаровательной своей улыбкой:

– Зачем тебе отказываться?

– Потому что это безумие, – парировала она без тени юмора. – Потому что любой папарацци с телескопическим объективом увидит, что я не королева Елена, и все таблоиды это повторят. Даже джентльмен-плейбой не сможет выкрутиться.

– Если это случится, я возьму на себя всю ответственность.

– Меня все равно атакуют сплетники, протащат в таблоидах всю мою жизнь! – На секунду ее черты исказились, словно от такой возможности ей было буквально физически больно.

– Это пустые страхи, Оливия. Там не будет иностранных журналистов, страну закрыли для них много лет назад, и я еще не отменил тот указ.

– Будет кадарская пресса.

– Им платят из королевской казны. Я потребовал, чтобы появления фотографий не было. Я не поощряю то, как правил мой отец, но пока его методы в силе.

Оливия несколько секунд смотрела на него изучающе.

– Ты собираешься использовать другие? – В ее голосе звучало любопытство, но и недоверие.

Азиз мог ее понять. До сих пор он никак не проявлял себя в политике; славился он талантами экономиста и вечеринками по всей Европе. Она вблизи наблюдала его гедонизм и убирала последствия. Качества, необходимые правителю, за ним пока замечены не были.

– Я постараюсь.

– Начав с абсурдного маскарада.

– Боюсь, он необходим. – Он склонил голову, но Оливия даже не моргнула в ответ на его улыбку. – Он нужен для стабильности страны. Для безопасности.

– Зачем этот Халиль похитил королеву Елену? И как он сумел? Разве ее не охраняли?

Короткая вспышка гнева обожгла Азиза изнутри. На Халиля? На охрану? На подкупленного пилота, который увел самолет в пустыню? Нет, понял он, это был гнев на самого себя, хотя он никак не мог предотвратить похищение. Он все еще не знал эту страну, не мог полагаться на верность и послушание людей.

– Халиль – сын первой жены моего отца от ее любовника, – сквозь зубы сказал он. – Отец считал его своим семь лет, пока не узнал правду. Тогда он изгнал его вместе с матерью. Но теперь Халиль настаивает, что имеет право на трон.

– Изгнание... – Оливия нахмурилась. – Ужасно.

– Его воспитывала в роскоши тетя в Америке, так что жалеть его незачем. – Он сам не испытывал жалости, только горечь, злость и зависть. Отец обожал Халиля даже после того, как узнал, что это не его сын. И все в стране тоже.

– Почему он считает, что имеет право на трон?

– Я не уверен, что он действительно так считает. Может, просто хочет отомстить моему отцу. Или мне.

– Но он похитил Елену, чтобы помешать твоему браку, которого требует завещание, – медленно повторила Оливия. – Если ты не женишься, что будет?

– Я потеряю трон и титул. – Азиз секунду колебался. – Завещание не назначает моего преемника. Будет созван референдум. Народ будет решать, кто станет шейхом. И я проиграю. Я слишком давно не был в Кадаре. Но я надеюсь скоро показать себя.

– Однако не успеешь до референдума.

– Именно. Поэтому мне нужно появиться вместе с невестой и внушить людям, что все хорошо. – Азиз шагнул к ней, убеждая понять и принять. – Оливия, мой отец оставил страну в беспорядке из-за решений, которые он принял двадцать пять лет назад. Я всеми силами пытаюсь исправить их, сохранить мир в Кадаре.

В ее синих глазах мелькнуло что-то похожее на понимание, может, даже сочувствие.

– Что, если ты не найдешь Елену?

– Найду, мне только нужно еще немного времени. Мои люди сейчас обыскивают пустыню. – У него болела душа за Елену, которая сейчас была где-то там, одна, напуганная и непонимающая. – Если не найдем, я организую переговоры с Халилем.

Хотя мысль о встрече была ему отвратительна, как он сам был отвратителен своему отцу, тосковавшему по любимому, хоть и оказавшемуся неродным, сыну. Азиз всегда был вынужденной необходимостью. Но он не позволил себе погружаться в воспоминания.

– Все, что от тебя нужно, – появиться на две минуты на балконе. Люди ожидают увидеть Елену. Я объявил, что она прилетела сегодня.

Оливия покачала головой, прищурившись и поджав губы:

– Я не...

– У меня осталось сорок минут до выхода к камерам и репортерам. – Азиз протянул к ней руки в мольбе, сопровождая жест улыбкой, которая всегда помогала ему растапливать сердца. – Ты моя единственная надежда, Оливия. Мое спасение. Пожалуйста.

Ее губы дрогнули, прежде чем снова сложиться в обычную твердую линию.

– Это уже чересчур, ваше высочество.

– Азиз.

Она долго пристально смотрела на него. В ее глазах были видны сомнения. Но в конце концов она коротко кивнула и выпрямилась.

– Хорошо, – сказала она. – Я это сделаю.

Глава 3

Вызванный Азизом Малик мгновенно появился в комнате и после короткого разговора с шейхом на стремительном арабском увлек Оливию за собой по длинным мраморным коридорам в спальню, отделанную в персиковых и кремовых тонах. Осмотревшись, она увидела роскошную комнату с кроватью под балдахином, с шелковыми покрывалами и горой подушек, с парчовыми диванами и тиковым туалетным столиком. Это была очень женская комната, и ее кольнуло минутное любопытство: кому она предназначалась?

Ее ждали две улыбающиеся женщины с красивыми глазами. Как предупредил Малик, они почти не говорили по-английски, но это не помешало им объясняться с Оливией, пока они раздевали ее, красили волосы в темный цвет и наконец поставили перед зеркалом.

Она замерла, пораженная увиденным. Она сама себя не узнавала. Кожа казалась бледнее, глаза глубже, темнее и больше. Волосы, прежде карамельного цвета, теперь падали вокруг лица влажными чернильно-черными прядями. Она была не похожа на Елену, но и на себя тоже. Может, на расстоянии ее действительно можно принять за королеву...

Она ведь даже не спросила Азиза, легально ли это! Может, выдавать себя за другого человека – за особу королевской крови – преступление? Вдруг ее арестуют? Вдруг кто-то заметит, что она не Елена, и продаст историю зарубежной прессе?

Они могут раскопать ее тайны. Мысль о том, что весь мир станет рыться в ее прошлом, судить ее, была нестерпима. Она сама сурово себя осуждала. Ей не нужно было осуждение других.

А как опозорен будет ее отец! Мысль о том, что он все-таки испытает унижение через десять лет после того, как продал ее душу, чтобы избежать позора, вызвала у нее неожиданный приступ яростного удовлетворения, но за ним последовала знакомая волна вины.

Один выход. Две минуты. И все.

Одна из женщин, Мада, за руку отвела ее в спальню, где уже была выложена на кровати одежда: жакет цвета голубиноного крыла, узкая юбка и блузка цвета слоновой кости. Оливия быстро оделась, сначала надев тончайшие прозрачные чулки, а потом блузку и костюм. Ансамбль завершали черные туфли на высоких каблуках, которые заставили Оливию секунду колебаться. Она обычно носила простые и удобные туфли на низком каблуке, а эти выглядели слишком... сексуально. Она не хотела ассоциировать секс с собой... или Азизом.

Женщины уложили ее волосы в элегантный завиток на затылке, нанесли неяркий макияж, хотя Оливия не привыкла использовать косметику. Одежда была привычной, но из-за туфель, макияжа и цвета волос она чувствовала себя кем-то другим. Притворщицей.

Однако именно это и было нужно Азизу – убедительное притворство.

Все же, когда Малик пришел проводить ее на балкон, она задала мучивший ее вопрос:

– Мада и Абра обе знают о подмене, и обе куда больше похожи на королеву Елену, чем я.

По крайней мере, волосы у них нужного цвета. Почему вы не поставили на замену одну из них?

Малик покосился на нее:

– Им не хватило бы уверенности. И они некомфортно себя чувствуют в западной одежде.

– Но вы им доверяете. И Азиз тоже. Они среди тех, кто знает об этом плане. Как и экипаж самолета, и мое сопровождение...

– Конечно, – кивнул Малик. – Но это маленькая группа людей, и все они абсолютно верны шейху.

– Азиз сказал, что слишком редко бывал в Кадаре, чтобы заслужить верность.

Малик одарил ее долгим взглядом:

– Он так считает. Но верных Азизу больше, чем он знает или чем позволяет себе поверить.

Прежде чем Оливия успела ответить, Малик открыл перед ней изящно убранную приемную. Оттуда стеклянные двери вели на широкий балкон; даже из комнаты был виден двор перед ним, уже заполненный людьми, которые задирали голову, готовясь увидеть нового шейха и его будущую супругу.

Оливию замутило, и она прижала ладонь к груди.

– Постарайся, чтобы тебя не вырвало, – сухо сказал вошедший Азиз. – Испортишь такой очаровательный наряд. – Он остановился прямо перед ней, окинул ее фигуру взглядом. В серебристо-серых глазах светилось неприкрытое мужское одобрение, и у Оливии приятно занял низ живота. Раньше он никогда так не смотрел на нее. – Темные волосы тебе идут. И высокие каблуки тоже. Даже жаль, что это временная краска. – Он усмехнулся.

Оливия вскинула подбородок, подавляя чувство, которое так легко пробудил в ней Азиз. Почему она реагировала на него сейчас, хотя раньше оставалась безразлична?

– Главное, что я выгляжу как королева Елена. Насколько это возможно.

– Думаю, никто не заметит разницы. – Улыбка Азиза стала сочувственной. – Я понимаю, как много от тебя прошу, Оливия. Поверь, я крайне признателен за твою готовность помочь.

Почему она согласилась на это? В какой-то мере она понимала дилемму Азиза и хотела поспособствовать стабилизации ситуации в стране. Но с другой стороны, от него зависела ее работа... Оливия ответила на его сочувственный взгляд своим прямым и твердым:

– Я просто хочу вернуться в Париж.

– Разумеется. Но сначала... прошу. – Он кивнул на двери балкона. Даже когда они были закрыты, до Оливии доносился приглушенный рев толпы внизу. Она сглотнула.

– Пресс-конференция уже прошла?

– Только что закончилась.

– Журналисты спрашивали, почему на ней не было королевы?

– Кое-кто, но я сказал, что ты устала после перелета и готовишься к встрече со своими новыми подданными. В конце концов, в этой стране женщины редко появляются перед прессой и говорят сами за себя.

Оливия поморщилась. Азиз снова указал на двери балкона:

– Нас ждут обожающие подданные.

Оливия кивнула, хотя внутри у нее все сжалось в нервный комок.

– Тебе следует знать, – негромко сказал Азиз по пути к балкону, – что, хотя мы с Еленой заключаем брак по расчету, публика считает, что мы женимся по любви. Они этого хотят.

Оливия бросила на него резкий взгляд:

– Несмотря на то что вы всего пару недель как помолвлены?

– Люди верят в то, во что хотят верить, – пожал плечами Азиз.

Оливия сама могла послужить тому примером...

– Как это сказывается на нашем выходе к народу?

Азиз дразняще улыбнулся и коснулся ее щеки пальцами, посылая неожиданные искры по телу. Она инстинктивно отшатнулась.

– Мы просто должны вести себя так, словно безумно влюблены друг в друга. Однако удерживайся от лишних прикосновений. Это все-таки консервативная страна.

Оливия возмущенно открыла рот, понимая, что он шутит, но все равно сердясь. Но Азиз только засмеялся, подхватил ее под руку и вывел на балкон, к ожидающей внизу толпе.

Горячий воздух без тени ветра ударил ее в лицо. Толпа взорвалась приветственными криками. Оливия моргнула, ослепленная. Азиз приобнял ее за талию, прижал ладонь к бедру, а другую руку поднял в ответном приветствии.

– Помаши, – прошептал он, и Оливия послушно вскинула руку. – И улыбнись, – добавил он с тенью смеха.

Она изогнула губы. Они стояли так, бедро к бедру, обнимаясь и махая толпе, продолжавшей ликовать.

– Ты говорил, что люди Кадара тебе не верны, – прошептала Оливия.

Азиз пожал плечами:

– Они романтики и традиционалисты. Фантазия о моей сказочной свадьбе нравится им куда больше, чем я сам.

– Вот уж действительно сказка, – ехидно ответила Оливия.

Азиз только улыбнулся.

Бесконечную минуту спустя он опустил руку. Оливия думала, что они наконец уйдут с балкона, но ладонь Азиза оставалась у нее на талии, а другую он прижал к ее щеке.

– Что ты делаешь? – прошипела она.

– Люди хотят увидеть поцелуй.

– А как же консервативное общество? – стиснув зубы, поинтересовалась она.

– Сиад немного современнее, не зря он столица Кадара. И все будет невинно. Без языка, – сообщил он.

Оливия возмущенно раскрыла рот, но именно тут Азиз ее и поцеловал.

Она замерла под прикосновением его губ; ее так давно не целовали, что она забыла, насколько это интимно, удивительно и, честно говоря, прекрасно. Губы Азиза были прохладными и мягкими, ладонь на ее лице – одновременно ласковой и твердой. Оливия инстинктивно закрыла глаза, борясь с приливом желания, внезапно прокатившимся по телу.

– Ну вот. – Он отстранился с улыбкой. – Ты сумела сдержаться.

– Это нетрудно, – огрызнулась она, но Азиз негромко засмеялся.

– Тебя так легко рассердить, Оливия. От этого твои глаза восхитительно сверкают.

– Восхитительно это знать, – парировала Оливия, рассмешив его снова.

Азиз повел ее внутрь, но Оливия едва осознавала, где она. У нее гудели губы, а разум мутился, словно короткий поцелуй был электрошоком. Они едва соприкоснулись губами, совсем невинно, однако ее охватывала слабость и дрожь. Почему простой поцелуй так на нее повлиял?

Потому что для нее он не был простым. Если ты десять лет не целовалась, даже такая мелочь становится буквально взрывом. И ее не забыть. Не важно, Азиз это был или нет.

Как только двери балкона закрылись, Оливия высвободилась из рук Азиза.

– Вот и все, – заявила она. – Я могу возвращаться в Париж.

– Разумеется. Утром.

– Почему не сегодня?

– Перелет долгий, Оливия. Пилоту нужно отдохнуть, в самолет надо залить топливо. К тому же сегодня я должен ужинать со своей невестой. Ты же не хочешь это пропустить?

Оливия старалась не реагировать на его поддразнивание, хотя Азиз умел удивительно легко вызвать у нее улыбку.

– Об ужине ты ничего не говорил.

– Я же шейх и контролирую количество распространяемой информации.

Не сдержавшись, Оливия все-таки улыбнулась, хотя и понимала, что становится жертвой его обаяния, как все остальные женщины.

– За ужином мне тоже нужно будет притворяться Еленой?

– Мы будем наедине, так что притворяться надо только передо мной.

– И перед слугами, которые нас увидят, – возразила Оливия. – Азиз, это абсурдно. С балкона меня можно принять за Елену, но вблизи точно нет. Слуги сразу догадаются.

– Только если они что-то подозревают, – спокойно сказал Азиз. – Но откуда взяться подозрениям?

Он улыбнулся, накрывая ее ладонь своей. Оливии пришлось удержаться, чтобы не отдернуть руку. Ее чувства так давно онемели, что она не ждала их пробуждения. Однако Азиз сумел их разжечь, и так легко.

– Это просто ужин, Оливия. Утром ты улетишь.

Она снова покачала головой. Все, что она знала, что желала от жизни, что было безопасно, внезапно оказалось очень далеко, и она ничего не могла с этим поделать. Однако перед собой она могла признать, что испытывает искушение насладиться коротким временем в обществе Азиза, позволить себе чуть-чуть поддаться его очарованию. Всего на один вечер.

– Тебе нужно поесть, Оливия, – настаивал он.

– Я могу перекусить бутербродом в комнате.

– Тогда я присоединюсь к тебе там. Но после этого точно пойдут разговоры.

Она отобрала у него свою руку.

– Ты невозможен.

– Спасибо, – с улыбкой поклонился Азиз.

– Это был не комплимент.

Он только улыбнулся шире:

– Я знаю.

Соппротивление было тщетно. Рано или поздно Азиз победит ее с помощью обаяния, скрывавшего непреклонное стремление к цели. Раньше она не знала, насколько он целеустремленный, но у них никогда не было разногласий. А теперь...

– Ладно, – сказала она, поддаваясь искушению на один вечер пробудить омертвевшие грани души, почувствовать себя красивой и желанной, пусть даже понарошку. – Я с тобой поужинаю. Но утром я улечу. – Она с вызовом вскинула подбородок.

– Конечно, – ответил Азиз так, что Оливию охватило предчувствие, что она может не захотеть проверить его верность своему слову.

Глава 4

В малой столовой, предназначенной для частных встреч, был накрыт романтический ужин на двоих, и от зажженных свеч по комнате плясали тени. Азиз выгнул бровь. Оливия будет недовольна. Ему никогда еще не встречалась женщина, способная так противостоять его обаянию.

Хотя, когда Азиз ее поцеловал, она не сопротивлялась. Он чувствовал ее первый шок, все ее тело напряглось, словно натянутая струна, а затем она поддалась, растаяла, сжала его плечо. Он был не уверен, что сама Оливия в полной мере осознавала, как реагировала, как притянула его к себе, как разомкнула губы. Хотя он дразнил ее, говоря, что надо сдерживаться, но не думал, что его слова окажутся правдивыми.

И в ответ на ее реакцию он ощутил внезапное, шокирующее желание, даже потребность сделать поцелуй глубже, скользнуть языком в ее рот и попробовать шелковистую сладость.

Хорошо, что он не поддался порыву. Жители Сиада хотели увидеть невинный поцелуй будущей королевской четы, но настолько откровенная демонстрация сексуального влечения их бы оскорбила.

– Ее высочество королева Елена, – объявил слуга, распахнувший двери.

«Хоть одного человека она обманула», – довольно подумал Азиз. Оливия вошла в комнату. Темные волосы были уложены сложным завитком, несколько локонов обрамляли лицо. На ней было серебристое вечернее платье; сверкающий лиф облегал тонкую талию, а подол расходился невесомыми складками. Азиз никогда не видел ее такой – великолепной в своей красоте, нашедшей должное обрамление. От желания у него на секунду перехватило дыхание и потемнело в глазах.

Оливия ответила на его восхищенный взгляд своим упрямым.

– Платье выбирала не я, – заявила она. – Я даже не знаю, откуда оно взялось.

– Я заказал несколько нарядов.

– Для настоящей королевы или подменной?

– Какая разница? – Азиз говорил нарочито мягко.

– Не знаю. – Мгновение она казалась растерянной, лед в глазах уступил уязвимости. Но затем она устало и решительно покачала головой. – Это так странно.

– Согласен. Но и от странного можно получать определенное удовольствие. – Азиз подошел к ней. Его сжигало первобытное, примитивное желание мужчины, оказавшегося наедине с красивой женщиной: прикоснуться, насладиться ею. А не обсуждать, насколько ситуация странная или опасная. – Сейчас ты выглядишь как настоящая королева, – сказал он вместо прикосновения. – Ты прекрасна.

Она зарделась и выгнула изящную бровь:

– Мне казалось, ты способен на более оригинальные комплименты.

– Вот как? – Он усмехнулся уголком рта.

– Я слышала, как ты сравнивал женщину с лепестком розы.

– Боже, боже, как банально.

– Ей определенно понравилось. Вы ушли в спальню еще до десерта.

К удивлению Азиза, ему не хотелось об этом говорить, хотя он никогда не стеснялся своих романов. В пятнадцать лет он обнаружил, что нравится женщинам; для одинокого несчастного мальчишки это оказалось мощным афродизиаком. Может, их привлекало только его тело, его обаяние, но этого было достаточно. Азиз не собирался никому отдавать свое сердце. Он слишком хорошо знал, чем это заканчивается. Но теперь его почему-то волновало мнение его экономки.

– Мне надо подумать над подходящим сравнением. – Он взял Оливию за руку. Ее ладонь оказалась прохладной и мягкой. – Может, снежинка?

Сверкающая, совершенная и очень холодная.

– Больше похоже на критику.

– Ну... – с волчьей улыбкой ответил Азиз, – снежинкам свойственно таять.

На это Оливия действительно немного растаяла, снова порозовела и крепче сжала его пальцы. Восхитительная реакция.

– Пойдем, – он повел ее за собой к столу, – нас ждет ужин.

– Как романтично, – заметила она, забирая свою узкую, хрупкую ладонь.

Азиз неохотно выпустил ее. Логически он понимал, что не может следовать желанию, которое вызывает у него Оливия. Это усложнит всю ситуацию – его брак, его правление. Если все сложится, завтра Оливия улетит в Париж, а он найдет Елену...

Словно читая его мысли, Оливия спросила:

– Этот Халиль... Он может причинить вред королеве Елене?

Тревога в глазах Оливии отражала чувства, от которых у Азиза все скручивало в животе.

– Не думаю. Это бессмысленно. К тому же она королева. Похищение – уже плохо, но причинение вреда подведет Халиля под международный трибунал.

– Разве Халиль сам этого не понимает? – нахмурилась Оливия.

– Кадар не входит в международные союзы, – невесело улыбнулся Азиз. – Пока, по крайней мере. Мой отец правил железной рукой. Люди любили его за то, что он был сильным лидером и поддерживал стабильность в стране. Но он все делал по-своему и не позволял никому вмешиваться в то, что происходит в наших границах.

– Но правительство Талии должно выдвинуть протест!

– Если узнают, что случилось.

– От них ты тоже это скрываешь?

– Я вынужден скрывать это от всех. Но я найду Елену. – Он положил салфетку на колени Оливии, чтобы найти повод прикоснуться к ней. Ее тело отозвалось дрожью. – Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. Приятном.

Оливия поиграла с ножкой хрустального бокала, глядя ее длинными тонкими пальцами. Ее губы изогнула улыбка.

– Боюсь, ничего в голову не приходит.

– Неужели мы вдвоем ничего не придумаем? – усмехнулся Азиз в ответ. Его голос звучал ниже, чуть хрипло. Он не собирался флиртовать, но это получалось само собой. И, судя по тому, как Оливия пробежала язычком по губам, она это заметила.

– Уверена, ты все время думаешь о чем-то «приятном», – сказала она. – Хотя я раньше не слышала этот эвфемизм.

– Очень невинный.

– Не флиртуй со мной, Азиз. Я понимаю, что это привычка, но раньше ты держал себя в руках.

– Привычка? – со смешком переспросил он.

Оливия посмотрела на него в упор:

– Ты плейбой. С этим ничего не поделаешь.

– Звучит как хроническая болезнь, – сухо усмехнулся Азиз.

– Надеюсь, ты все-таки умеешь держать себя в руках, потому что меня ты в свою коллекцию не добавишь.

Азиз догадался, что их флирт задел Оливию, и откинулся на спинку стула.

– Привычка или нет, но мне нравится твоя улыбка, твой смех. Раньше я слышал его всего раз, и то случайно. Ты была в кухне и не знала, что я вошел в дом. И смеялась. – Азиз сделал

паузу, видя, как Оливия бледнеет, как шире раскрываются глаза. – У тебя замечательный смех. Богатый, глубокий... сексуальный. Интересно, что тебя рассмешило.

– Я... я не помню.

– При мне ты так не смеешься.

– Может, ты не смешной, – парировала она, снова защищаясь, и Азиз с улыбкой кивнул.

– Это вызов, Оливия.

– Тебе не победить. Зачем тебе слушать мой смех? Я экономка, я на тебя работаю. Ты меня даже не знаешь.

– Значит, могу узнать? – Он осознал, что ему действительно интересно, почему такая женщина – красивая, умелая, умная, обаятельная – скрывается от мира, работая экономкой в пустом доме.

– Нечего узнавать. Я живу тихо. Не то что ты.

– Это как, Оливия?

– Ты сам знаешь. Вечеринки до рассвета, новая женщина каждую ночь.

– Ты не одобряешь.

– Не мне судить. Но я сама не хотела бы так жить.

– Я уже понял, что мы полные противоположности. Но наверняка можно сойтись посередине.

– Где, например? – Она сверкнула глазами.

В постели. Азиз внезапно отчетливо представил Оливию на смятых шелковых простынях, роскошные волосы рассыпаны по подушке, губы розовые и припухшие от его поцелуев. В нем мгновенно пробудилось желание, хотя он и знал, насколько это неуместно.

– Вопрос требует обсуждения, – легко ответил он.

Оливия только покачала головой.

Вошел официант с первой переменной блюд. Пока он накрывал на стол, оба молчали, и Оливия не поднимала головы, хотя пробормотала негромко «спасибо». Когда он ушел, Оливия вернулась к разговору:

– Ты будешь скучать по такой жизни? Вечеринки, женщины... После свадьбы и восхождения на трон все наверняка изменится.

– Да, наверное. – Азиз взял вилку и принялся играть с листком салата. – Но я не буду скучать по прошлому. – Сам пораженный собственной честностью, он постарался говорить как ни в чем не бывало. – Такой я легкомысленный.

– Легкомысленный человек не боролся бы так за свой трон.

– Может, я просто хочу власти.

– А если честно, почему? – спросила она. – Почему ты хочешь быть шейхом? Раньше Кадар тебя не интересовал. Ты сам говоришь, что редко сюда возвращался.

– Вопрос не в желании, – мгновение спустя ответил Азиз. – Это мой долг.

– Раньше долг тебя не интересовал, – заметила Оливия.

Азиз изобразил, что морщится.

– Ты не сдерживаешь удары, Оливия.

– Зачем сдерживаться?

Азиз рассмеялся:

– Действительно. Но вопрос резонный.

Азиз не хотел на него отвечать, но ощущал странную потребность быть честным. В его жизни было слишком много притворства. Оливии, с ее прямоотой и безыскусностью, можно было доверять – по крайней мере, в малом.

– Отец никогда не хотел, чтобы я стал шейхом, – после паузы ответил он. – Он был во мне разочарован.

– Но почему?

Потому что отец любил Халиля. Даже зная, что это не его сын, даже изгнав его, шейх Хашем тосковал по любимому сыну и отвергал Азиза. Однако на этом честность Азиза заканчивалась – он не хотел жалости.

– Мы просто во многом расходились. – Мягко говоря. Он до сих пор помнил, как издевался над ним отец в ответ на любую попытку ему угодить. Однажды Хашем втащил его в комнату, полную помощников и советников, и приказал наизусть читать конституцию Кадара. Азиз сбился всего один раз – но Хашем безжалостно насмехался над ним, а потом дал пощечину и выставил прочь. Таких воспоминаний у Азиза были десятки, сотни. Пока наконец он не потерял девственность – с одной из любовниц отца – и не узнал, что есть другой способ жить. Ни о чем не заботясь.

– Ты держался подальше от Кадара из-за отца? – спросила Оливия. Азиз моргнул, прогоняя воспоминания, и легко улыбнулся. – Но это не объясняет, почему ты решил вернуться и стать шейхом.

– Думаю, из чувства противоречия, – медленно ответил Азиз. – Я хочу доказать отцу, что он был не прав. Доказать, что я могу быть шейхом, и весьма хорошим. – В его голосе зазвучали страсть и напор, и Азизу стало неловко за свой порыв.

– Значит, ты все равно позволяешь отцу контролировать тебя. Принимаешь решения ради него, – подумав, сказала Оливия. – Он выигрывает.

Азиз отшатнулся. Оценка Оливии задела его сильнее, чем он ожидал, но он не мог не признать, что она права. Отец все еще контролировал его решения. Хотя теперь это не так бросалось в глаза, но он все еще жаждал одобрения отца. Его любви.

– Я об этом так не думал, – как можно беззаботнее сказал он. – Но да, ты, наверное, права. Оливия негромко сказала:

– Когда кто-то обладает такой властью над твоей жизнью, освободиться трудно. Даже решив его игнорировать, ты делаешь его центром своей жизни. Тратишь все свои силы и время на то, чтобы о нем не думать.

– Ты знаешь, о чем говоришь, не понаслышке, – сказал Азиз.

Оливия пожала плечами:

– Я, как и ты, не особенно близка с отцом. Он жив, но мы не разговаривали много лет.

– Я не знал. – Азиз был знаком с ее отцом – общительным и располагающим к себе человеком, делающим карьеру дипломата. – Он порекомендовал тебя на должность экономки.

Оливия сухо кивнула:

– Наверное, считал, что мне должен.

– Должен?

Она покачала головой, явно жалея, что проговорила.

– Не важно. Старая история, – отмахнулась она, но на лице проступило напряжение, кулаки сжались от давнишней боли. Потом она усилием воли расслабилась. – Лучше говорить о будущем, чем о прошлом. Если ты успеешь найти Елену, думаешь, сумеешь ее полюбить?

Азиз изумленно замер. Он не собирался никого любить или быть любимым, не хотел открываться навстречу сложным эмоциям, ненужным осложнениям. Любовь и так принесла ему много боли, когда на нее отвечали равнодушием или даже ненавистью.

– Мы с королевой Еленой обсуждали характер нашего брака, – сообщил он. – И достигли взаимно удовлетворяющей договоренности.

– Это не ответ, – хмыкнула Оливия.

Азиз развел руками с улыбкой:

– Мы едва друг друга знаем. Мы встречались всего два раза. Я понятия не имею, смогу ее полюбить или нет. И скорее всего, нет. Давай лучше поговорим о тебе, уверен, что это намного интереснее.

– Совсем нет, – твердо покачала головой Оливия.

– Ты дочь дипломата. Росла в разных странах. – С этим Оливии пришлось согласиться. – Какой город ты называешь домом?

– Париж.

Азиз догадался, что она имеет в виду его особняк. Неудивительно, что работа была для нее так важна. Вряд ли она где-то жила дольше.

– Я провела несколько лет в Париже ребенком, – продолжила Оливия. – Ходила в детский сад. Мне там всегда нравилось.

– А где ты жила подростком?

– В Южной Америке, – ответила она после паузы.

– Там должно было быть интересно.

– Просто маленькое сообщество иммигрантов, – слишком ровным тоном сказала она. У нее явно были секреты. Азиз вспомнил ее мелодичный смех, полную муки игру на пианино. Она скрывала все эмоции: и радость, и боль. Но почему?

По той же причине, что и он?

– Если я правильно помню твое резюме, ты всего год провела в университете.

– Один семестр, – поправила она, не выдавая эмоций, но лицо ее стало совсем пустым. – Решила, что высшее образование не для меня.

Однако костяшки ее пальцев побелели, и Азиз не стал поддаваться искушению узнать больше. Пока.

– У меня тоже не сложилось с учебой, – легко сказал он. – Наверное, слишком много вечеринок.

Оливия заметно расслабилась.

– Ты уже тогда был плейбоем?

– Наверное, это в генах. – Учитывая, сколько любовниц было у его отца, это даже могло быть правдой. Но Азиз знал, что сознательно выбрал такой образ жизни, несмотря на душевную пустоту. Скорее ради нее.

– Но ты не глуп, – после паузы сказала Оливия. – Ты открыл свой собственный бизнес.

– Мне повезло: цифры даются мне легко, – пожал плечами Азиз. Но на самом деле он невероятно гордился своими достижениями. Он ни копейки не брал у отца после университета и при этом жертвовал огромные суммы в благотворительные фонды Кадара, работавшие с женщинами и детьми. Он не любил хвастаться или пытаться произвести впечатление своими профессиональными успехами.

Однако, если он надеется сохранить трон, возможно, придется.

– А ты, Оливия? Ты же не всегда хотела быть экономкой.

– В работе экономки нет ничего плохого, – сверкнула глазами она.

– Конечно нет. Но ты молодая, умная, можешь получить образование, сделать карьеру. Думаю, мой вопрос вполне ожидаем. – Азиз следил за игрой эмоций на ее лице: удивление, неуверенность... сожаление.

– Я собиралась заниматься музыкой, – крайне неохотно сказала она наконец. – Но бросила.

Азиз снова вспомнил ее игру, страсть и безнадежность на ее лице.

– И никогда не хотела к ней вернуться?

– Не имело смысла, – решительно сказала она.

– Почему?

Оливия поджала губы, глядя куда-то вдаль.

– Музыка... ушла, – сказала она наконец. – Желание играть... и талант. Я не смогу их вернуть, даже если захочу. Но я не хочу. – В ее как будто равнодушном голосе звучала печаль. Под прохладными, отстраненными манерами скрывалось горячее сердце, скованное болью.

Но почему? Он хотел спросить, но не решился. Они оба стремились сохранить свои тайны. Тем не менее Азиз хотел больше узнать об этой женщине.

Под пронзительным взглядом Азиза Оливия опустила взгляд, сосредоточившись на салате. Он задавал слишком много вопросов, и они словно срывали корочку со старых ран. Она не вспоминала о том жутком семестре в университете. Не думала о музыке, хотя пару раз поддавалась потребности играть, выплескивать боль в ноты. Но все остальное время она сдерживалась и ни с кем не сближалась. Так было проще и безопаснее.

Однако за несколько часов в обществе Азиза слишком много эмоций пробудились к жизни. Скорбь. Радость. Вина. Надежда. Азиз задавал вопросы, вызывал улыбку, поддразнивал... Она думала, что мертва внутри, но после поцелуя почувствовала себя восхитительно, мучительно живой.

Но та жизнь, в которой она могла это чувствовать, осталась в прошлом.

– Что ты будешь делать, если не найдешь Елену вовремя? – спросила Оливия, меняя тему.

– Это невозможно.

– Полагаю, Халиль тоже так думает. – Оливия не хотела влезать в сложности кадарской политики, но ей было любопытно. – Ты с ним встречался? – спросила она, вспоминая горечь в голосе Азиза при упоминании Халиля. Вот и сейчас он улыбнулся, но в глазах был холод.

– Да. Один раз. Я был ребенком. Тогда он жил во дворце и я был его конкурентом за трон.

– Как это?

– Я незаконный сын, от любовницы. Отец признал меня, когда изгнал Халиля. Боюсь, в народе это решение осталось непопулярным. – Он говорил словно ему все равно, но Оливия знала, что это не так.

– Поэтому теперь народ поддерживает Халиля?

– Его всегда поддерживали. Он покинул страну семилетним мальчиком, но оставался в сердцах народа – бедный маленький принц-изгнанник. А я наглый самозванец. – Тон оставался легким, но в глазах был лед.

– Похоже, твой отец не продумал свое решение, – негромко сказала Оливия.

Азиз невесело рассмеялся.

– Я часто гадал, почему он все-таки назначил меня наследником, хотя всегда давал понять, что его любимчик Халиль, а я лишь сплошное разочарование. – Его рот исказила кривая улыбка. – Наверное, он написал такое завещание, потому что хотел дать ему шанс.

– Но ты этого не хочешь. – Оливия посмотрела на него в упор.

Азиз вздернул подбородок.

– По праву правитель я, а не он.

– Но Кадар тебе даже не нравится, – наредила Оливия. – Ты сам не хотел здесь оставаться... – Она покачала головой, внезапно догадавшись. – Ты делаешь это назло отцу. Хотя он мертв.

В глазах Азиза вспыхнула ярость, но тут же сменилась сардонической улыбкой.

– Вы тонкий психолог, мисс Эллис.

– Сарказм – низшая форма защиты.

– Мне казалось, это низшая форма юмора:

– И это тоже, – признала Оливия. – Я не говорю, что ты не достоин быть шейхом, Азиз. Хотя...

– Хотя?

– Хотя не знаю, считаешь ли ты себя достойным.

Азиз уставился на нее, тяжело дыша, словно после пробежки.

– Ты права, – сказал он наконец. – Я не уверен. Мой народ не хочет видеть меня на троне, мой отец не хотел... Когда я прочитал завещание, то сначала думал уступить трон Халилю.

– Но не стал. Мне кажется, это о чем-то говорит.

Азиз взглянул на нее с тенью прежнего юмора.

– О чем? Что я упрямый идиот?

– Решительный и сильный, – ответила Оливия. – Азиз, ты же плейбой-джентльмен.

– Ты мне все время об этом напоминаешь. Я именно такой – очаровательный, поверхностный, безответственный. Я знаю.

– Очаровательный, да, – ответила Оливия. – Вся Европа готова есть у тебя из рук, и не только женщины. Разве ты не сможешь так же завоевать сердца своего народа? Раньше ты просто не пытался.

Азиз открыл рот, словно собирался что-то сказать, но вместо этого слабо улыбнулся:

– Спасибо за совет.

Снова легкомысленный тон. Это разочаровало Оливию, однако для одного вечера им обоим хватило эмоциональной честности.

– Хватит Кадара и политики, – сказал Азиз, наливая им еще вина. – Чем ты занимаешься в свободное время?

Оливия только открыла рот, выбитая из колеи. Азиз сверкнул белозубой улыбкой. Внутри у нее что-то сжалось в ответ. Почему раньше она так на него не реагировала?

Потому что не позволяла себе. Потому что не проводила с ним время. Потому что не знала мужчину, скрывающегося за маской плейбоя-джентльмена, такого же обаятельного, но куда более внимательного и чувствительного.

– Хобби, Оливия. Тебе нравится читать? Ходить в кино? Вязать?

– Вязать?!

– Сказал наугад. – Он пожал плечами.

У Оливии вырвался невольный ответный смешок. Как ни удивительно, но ей нравилась эта болтовня. Нравилась чувства, которые она вызывала.

– Боюсь, я не умею вязать.

– Не бойся. Я переживу разочарование. – Она снова рассмеялась, и у Азиза сверкнули глаза. – Вот он, этот чудесный звук. Я еще выясню, почему ты тогда смеялась в кухне.

– Глупости!

– Загадка!

– Я смеялась над белкой, – призналась она, все еще улыбаясь. – Она пыталась подобрать орех, который был для нее слишком большим. Неинтересная загадка.

Азиз покачал головой:

– Теперь ты меня еще больше заинтриговала. Почему раньше я не мог заставить тебя рассмеяться, а теперь могу? – Он встретил ее взгляд своим, уверенным, и у Оливии пересохло во рту. Такая эмоциональная связь куда опаснее просто физической.

Этот мужчина может вызвать у нее и смех, и жажду.

Она отвернулась.

– Оливия? – тихо позвал ее Азиз. А потом легко накрыл ее ладонь своей. – Что бы тебя ни сделало такой печальной, я рад разогнать эту печаль хотя бы на мгновение.

Оливия судорожно кивнула, не в силах выдавить ни слова, даже если бы знала, что хочет сказать.

Азиз забрал руку и отодвинулся.

– Я велю подать следующую перемену блюд.

Оливия была рада перерыву в разговоре. Когда официант подал горячее, Азиз стал спрашивать ее о парижском особняке, и разговор больше не возвращался к серьезным темам.

Однако Оливия все равно думала о том, о чем не следовало. Мужчина то и дело приковывал ее взгляд. Вечерний костюм подчеркивал размер плеч, узкие бедра, совершенное тело. Свет играл в смоляных волосах. Все в нем было изящно, отточено. Даже то, как он держал

вилку, заворачивало: у него были длинные, тонкие, но явно сильные пальцы. Раньше она не замечала в Азизе сдерживаемую, скрытую силу. Может, теперь, когда он стал правителем, она увидела, что в нем есть что-то помимо богатства и обаяния.

Опасный мужчина.

Желанный мужчина.

Поэтому думать о нем совсем не стоит.

Свечи почти догорели к тому времени, как им подали кофе, густой и горький, сваренный по-арабски. Оливия поморщилась, и Азиз рассмеялся:

– К нему надо привыкнуть.

– Ты явно привык. – Азиз пил без гримас, даже не добавляя сахара.

– Не сразу, – признался он, допивая чашку. – Но со временем полюбил.

– И больше не скучаешь по своему американо? – улыбнулась Оливия, которая готовила ему кофе в парижском особняке.

– О, еще как скучаю! Но я решил употреблять только кадарскую еду и напитки.

– Чтобы продемонстрировать верность стране?

– Что-то вроде, – ответил Азиз, словно отмахиваясь. Оливия поняла, что он все время принижает себя. И вспомнила слова Малика: верных Азизу больше, чем он знает или верит. Азиз не верил в себя. Не верил, что народ Кадара примет его. И маска беззаботного плейбоя скрывала страх и сомнения.

Однако она не стала об этом говорить. Хватит. Нельзя еще больше сближаться с этим мужчиной, поддаваться его притяжению. Все закончится здесь и сейчас; завтра она вернется в Париж, а Азиз, надо надеяться, найдет Елену.

Она поднялась из-за стола с прохладной улыбкой:

– Спасибо за ужин.

Азиз выгнул бровь, давая понять, что понимает, что она делает. Что ее тянет к нему, и она этого боится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.